

стыря, окруженный подсвѣчниками съ горящими свѣчами и рипидами, несенными воспитанниками Семинаріи. За гробомъ слѣдовали Начальникъ губерніи, власти, воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній и народъ.

У могилы была совершена литія и гробъ отпущенъ въ безмолвную могилу, приготовленную въ оградѣ кладбища при архіерейскомъ домѣ, рядомъ со своей матерью*).

Время уже 4¹/₂ часа пополудни.

Архипастыри и духовенство ушли съ мѣста погребенія, а народъ еще долго стоялъ у дорогой могилы Архипастыря.

Мрачная могила скрываетъ прахъ любящаго Владыки отъ взоровъ паствы. Онъ искавшій утѣшеніе въ подвигахъ любви, не забудетъ и свою любимую паству, оставшуюся среди бурнаго житейскаго моря въ своихъ св. молитвахъ. Онъ жилъ здѣсь не для себя и тамъ въ иномъ мірѣ будетъ жить и всѣхъ любить.

Игуменъ Серафимъ.

С л о в о,

произнесенное при погребеніи схимонаха Палладія, 9 марта 1916 года, въ Серафимо-Алексѣевскомъ скитѣ.

*„Блажени мертви умирающіи о
Господѣ: Ей, глаголетъ Духъ, да почи-
ютъ отъ трудовъ своихъ“ (Апокал. 14, 13)*

Итакъ, дорогой нашъ сподвижникъ, искренно преданный послушникъ, разсудительный не ложный пустынножитель, стяжатель духовнаго разсужденія и другихъ духовныхъ дарованій, теченіе свое ты совершилъ на землѣ, силою укрѣпившаго тебя Жизнодавца Христа, переплылъ бурное житейское море многоразличныхъ искушеній, бѣдъ и болѣзней, окрыляетъ Его Божественною благодатію, обрѣвъ себѣ теперь невозмутимый покой. Умолкли твои слова,

*) Архипастырей за послѣднее время хоронили подъ алтаремъ собора, а Преосвященный Іоаннъ завѣщалъ похоронить его на кладбище рядомъ со своею родительницею.

сомкнулись очи и уснулъ крѣпкимъ сномъ до трубы Архангела. Теперь нашъ голосъ не въ силахъ разбудить тебя. Ты благополучно разрѣшился отъ узъ плотскихъ. Видимо, пришло время совершиться тому, что предназначено въ Небесномъ Совѣтѣ „Отъ Господа стоишь человекъ исправляются“ (Псал. 36, 26). Хотя твои годы еще не такъ велики, чтобы оставить насъ, но, видимо, созрѣлъ твой колосъ подвижнической жизни, дабы взять тебя въ житницу Отца Небеснаго. Жизнь наша всецѣло находится въ рукахъ Божіихъ. Богъ даетъ намъ жизнь; Онъ посылаетъ намъ и смерть. Господь въ продолженіи всего жизненнаго нашего поприща ведетъ насъ путями вѣдомыми Ему одному. „Господь мертвитъ и живитъ, низводитъ въ адъ и возводитъ, Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ“ (2 Цар. 2, 6). Безъ воли Господа Бога и волоса нашего не спадетъ съ головы нашей (Мате. 10, 30), а потому и день и часъ твоей праведной кончины совершился по соизволенію Божію. Ты при жизни глубоко вѣрилъ въ Промыслъ Божій и твоя вѣра не посрамилась. Ты непрестанный тружениче, при помощи Божіей приготовилъ себя къ вѣчному исходу изъ сей временной жизни и я глубоко вѣрю—получилъ отъ Всеблагаго Мздовоздаятеля вѣчное успокоеніе со всѣми святыми.

Весьма трудна нынѣ жизнь духа и немногіе ея понимаютъ такъ, какъ понималъ ее ты, отецъ Палладій. Ты не увлекался чувственностію и не плотски отошелъ въ вѣчность, оземлившись своею сердцею и бессмертнымъ духомъ. Ты за всѣ дни своего житія въ обители, страшился будущаго таинства загробной жизни и всю свою заботу полагалъ для подготовки къ сему и Господь послалъ тебѣ мирную христіанскую непостыдную кончину. Теперь уже предъ твоимъ духовнымъ взоромъ отверзлись бездны вѣчности. Ты уже ясно видишь всѣ подводные камни и опасныя мѣста бушующаго житейскаго моря, въ которомъ мы еще находимся.

Не легко было жизненный крестъ, который судилъ тебѣ Господь нести въ этой жизни, но ты преодолѣлъ всѣ препятствія, побѣждая ихъ вѣрою, терпѣніемъ и упованіемъ. Твоя земная жизнь была усыпана не лаврами и цвѣтами, а скорбями и терніями, но зато тебя ожидаютъ нескончаемая радость и блаженство въ Царствіи Божіемъ. Блаженъ тотъ путь, въ который отнынѣ пойдетъ твоя много-скорбная душа, ибо тамъ тебѣ уготовано мѣсто упокоенія.

Было время, когда твоя жизненная ладья засасывалась въ грѣховномъ болотѣ міра сего. Но Милосердный Господь, Своею Божественною благодатію коснулся твоего сердца и ты во время успѣлъ порвать всѣ связи съ міромъ и добровольно взять крестъ Христовъ на рамена свои, вступить на тернистый путь. Неисповѣдимыми путями Промысла Божія, ты вмѣстѣ съ своей семьей выбрасываешься изъ

пучины житейскаго моря, воздвигавшаго бурю, въ тихое пристанище иноческой обители. Ты глубоко повѣрилъ въ слова Господа: „Возьмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ, иго-бо Мое благо, и бремя Мое легко есть“ (Матѣ. 11, 29—30). Ты ясно увидѣлъ своими духовными очами, что весь міръ лежитъ во злѣ, и подобенъ онъ разукрашенной снаружи маскѣ, а внутри мерзкой и отвратительной и все земное пріобрѣтеніе не прочно, есть одна суета суетъ и всяческая суета.

Прослуживъ много лѣтъ вѣрой и правдой на посту воина Царя земного, а вторую половину жизни ты также вѣрно прослужилъ Царю Небесному.

Невольно при твоёмъ гробѣ вспоминаются былые времена, когда мы съ тобой среди суетнаго міра, были обуреваемы волнами бушующей житейской бури, совѣщались въ тайныхъ укромныхъ мѣстахъ, какъ плѣнники, придумывая разные способы вырваться изъ него, а за нами внимательно слѣдилъ міръ, боясь выпустить отъ себя. Не могутъ быть забвенными тѣ часы и минуты нашихъ съ тобой совѣщаній о бѣгствѣ изъ міра то на колокольнѣ Богословской церкви, то на кладбищѣ, то на Троицкой горѣ, то въ своихъ комнатахъ, то въ пути на богомольѣ въ Ныробъ. Результатомъ всего этого была первая наша попытка оставить міръ, для насъ не совсѣмъ удачная. Живо помню, какъ я тайно отъ родныхъ поѣхалъ съ тобой, совсѣмъ безвозвратно на Афонъ, но видимо не было еще воли Божіей и мы независимо отъ насъ возвратились обратно. Ты изъ Одессы, а я изъ Перми. Миръ видимо замѣчалъ нашъ тайный побѣгъ и съ большою зоркостью сталъ слѣдить за нами. Вскорѣ ты съ юнымъ сыномъ поступилъ въ Бѣлогорскій монастырь, а трехъ малолѣтнихъ дочерей съ матерью опредѣлилъ въ Красносельскій женскій монастырь, Мнѣ-же было суждено Провидѣніемъ предварительно послужить Царю земному, а потомъ уже вырваться изъ плѣна суетнаго міра. Таково милосердіе Божіе къ намъ грѣшнымъ и непостижимые для нашего ума пути Промысла Божія. Развѣ легко было намъ вырваться изъ міра, а особенно тебѣ? Не связанъ-ли ты былъ по рукамъ и ногамъ семейными узами? Но гдѣ умъ человѣческій теряется и не находитъ выхода изъ затруднительныхъ положеній, тамъ Божественная сила совершаетъ дѣла повидимому какъ-бы невозможныя. Востокъ свѣше посѣтилъ и твою семью, она за твои молитвы несетъ свой иноческій крестъ, двѣ твои юныя дщери уже впередъ тебя переселились въ чертогъ своего небеснаго Жениха Христа, а сынъ на ратномъ полѣ сражается въ числѣ доблестныхъ нашихъ воиновъ.

Такова великая милость Божія ко всѣмъ съ вѣрою прибѣгающимъ къ Нему, помнящимъ слова апостола Павла: „не любите міра,

ни яже въ мірѣ. Міръ переходитъ и похоть его, а творяй волю Божию пребываетъ во вѣки“. Ты дорогой нашъ духовный соратникъ не умерь, ибо такіе вѣрные послушники какъ ты не умирають, а живутъ и всегда будутъ жить среди насъ. Умерь лишь твой смертный челоуѣкъ, лишь тѣло твое скроется отъ нашего взора, а бессмертный твой духъ будетъ не разлученъ съ нами. Ты съ перваго дня жизни въ монастырѣ сталъ серьезно работать надъ собою, надъ низшими влеченіями своей природы, надъ своимъ усовершенствованіемъ, какъ храбрый воинъ поборая враждебныя душѣ силы, закаляя себя въ трудахъ и подвигахъ. Ты велъ ожесточенный бой съ властями духовъ тьмы поднебесной, какъ закаленный и опытный воинъ. Тяжела и жестока эта борьба, тяжесть которой вполнѣ можетъ познать только тотъ, кто самъ велъ ея и умерь какъ храбрый воинъ, закаленный въ ожесточенныхъ бояхъ.

Неся усердно возлагаемое на тебя послушаніе въ монастырѣ, ты въ тоже время стремился еще къ большому уединенію, безмолвію и понесенію молитвенныхъ трудовъ. Когда начался устроиться нашъ пустынный безмолвный скитъ, то ты всей душой рвался туда и много помогаль мнѣ въ осуществленіи моихъ намѣреній и желаній по устройству скита. Наконецъ, переселился ты на постоянное жительство въ скитъ, расположенный среди лѣса дѣвственной природы, отличавшейся своей внѣшнею бѣдностію, гдѣ все было бѣдно, скромно и просто. Здѣсь ты болѣе десятка лѣтъ возносилъ свои горячія молитвы и обильными слезами очищаль свою душу, чувствуя непостижимую силу, не земной внутренней покой, ободряющій и воодушевляющій на конечную побѣду. Забылись здѣсь всѣ твои жизненныя неудачи, душевныя волненія испытываемыя среди міра. Въ твоей душѣ начало свѣтиться радостію не земною. Здѣсь ты нашель все то, чего искаль, чего такъ жаждала твоя изученная душа. Ты и здѣсь въ скиту всецѣло предался въ послушаніе своему духовному отцу, не дѣлая ничего по своей волѣ. За послушаніе ты рыль вмѣстѣ со мною пещеры и долгое время жилъ въ нихъ, проводя строгіе подвиги. Въ 1908 году ты вмѣстѣ со мною путешествоваль въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, гдѣ твоя глубокая дѣтская вѣра, еще глубже утвердилась и ты возвратился отъ источника Божественной благодати обновленнымъ и укрѣпленнымъ въ вѣрѣ мужемъ твердымъ и непоколебимымъ. При снисхожденіи Благодатнаго огня отъ Гроба Господня, ты отъ переполненного восторга плакаль, какъ дитя и твое религиозное воодушевленіе въ эти исключительныя и не всѣмъ доступныя минуты трудно передать словомъ.

Дни проведенныя нами въ святыхъ мѣстахъ земной жизни Жизнодавца Христа, все тамъ пережитое и перечувствованное, явилось лучшимъ утѣшеніемъ и наслажденіемъ духовнымъ, послѣ пере-

житыхъ испытаній. Я былъ очевидцемъ твоихъ пламенныхъ молитвъ въ мѣстахъ освященныхъ стопами Спасителя, твоихъ слезъ, которые обильно истекали изъ за думчивыхъ очей твоихъ. А съ какимъ духовнымъ настроеніемъ мы съ тобой встрѣчали Свѣтлую Пасху у Живоноснаго Гроба Христа Жизнодавца!.. Мы тогда отъ переполненнаго духовнаго восторга говорили: „теперь мы испытали на землѣ высшее духовное наслажденіе и спокойно можемъ умирать, дабы вѣчно праздновать Свѣтлую Пасху въ торжествующей церкви на небеси“.

Возвратившись изъ святыхъ мѣстъ, ты еще болѣе уязвился небеснымъ, сильнѣе сталъ презирать земное. 25 мая 1909 года ты воспріялъ высшій ангельскій образъ св. схиму. Затѣмъ вскорѣ по моему благословенію ты изъ скита сталъ удаляться для большихъ подвиговъ въ глубокую пустыню, гдѣ въ малой келіи совершалъ свои молитвенные подвиги. Одному Богу извѣстны всѣ эти твои труды и подвиги. Врагъ нашего спасенія діаволь не давалъ тебѣ покою и открыто со всей адской злобой выступалъ противъ тебя, но ты какъ закаленный воинъ, твердо стоялъ на своемъ посту, пока болѣзнь не приковала тебя къ смертному одру. Ты еще въ началѣ настоящей зимы подвизался въ своей пустынной келіи, хотя уже чувствовалъ общее недомоганіе и упадокъ силъ. Свое тѣло ты изнурилъ постомъ и подвигами до того, что былъ живымъ скелетомъ. Находясь послѣдніе мѣсяцы въ своей келіи безвыходно, ты таялъ какъ воскъ и отъ твоего тѣла остались только кожа да кости, но духъ твой все болѣе и болѣе укрѣплялся. Иногда Богъ укрѣплялъ тебя Своими небесными утѣшеніями и открывалъ судьбы будущаго. За нѣсколько мѣсяцевъ до настоящей войны, тебѣ въ пустынѣ невѣдомый голосъ открылъ, что будетъ ожесточенная небывалая кровопролитная война и продлится три года. Вотъ—уже война захватила 1914, 1915 и 1916 года, и открытое тебѣ исполнилось.

Не чуждъ былъ ты и духовныхъ дарованій... Особенно за послѣдніе дни своей жизни серьезно обдумывалъ ты свой переходъ въ вѣчность и очистилъ душу свою сокрушеннымъ подробнымъ покаяніемъ, надъ тобою совершено было святое таинство елеосвященія, а послѣдніе дни ты ежедневно пріобщался святыхъ Божественныхъ Безсмертныхъ и Животворящихъ Таинъ, соединившись со Христомъ Жизнодавцемъ. Въ день твоей кончины, послѣ пріобщенія Святыхъ Таинъ я долго съ тобой еще бесѣдовалъ, а въ 4 часа по полудни уже на вѣки замолкли уста твои, на вѣки сомкнулись твои очеса. Ты спокойно предалъ праведный духъ свой „въ руцѣ Божіи“. Твоя кончина была рѣдка христіанская, непостыдная, смиренная. Хотя болью сжимается сердце, тоскуетъ душа, при видѣ твоего бездыханнаго тѣла, утѣшаетъ то, что теперь великъ твой безсмертный духъ, ибо

онъ постигъ ту таинственную вѣчность, которую не дано понять ученѣйшимъ мудрецамъ вѣка сего. Твоя новая жизнь несравненно радостнѣе нашей земной многоскорбной жизни, ибо твоя земная жизнь была праведной и кончина христіанская, безмятежная, которой не многіе удостоиваются. Ты теперь безбоязненно можешь сказать „смерть гдѣ твое жало, адъ гдѣ твоя побѣда“ (1 Кор. 15, 55). Когда же, по обряженіи, твои бранные останки внесли въ сей святой храмъ Божій, то въ это время въ храмѣ читался акаѳистъ Св. Іоанну Крестителю и Предтечѣ Господню, гражданину пустыни, къ которому ты имѣлъ особенную вѣру и любовь.

Въ этомъ нельзя не видѣть глубоко-поучительнаго совпаденія!.

Какъ будто Св. Іоаннъ Креститель, указывая на твое мертвое тѣло, говорилъ намъ: смотрите сей мужъ проводилъ за св. послушаніе доброе пустынное житіе будучи вѣрнымъ до гроба Христу и идетъ радуясь въ радость Господа своего (Матѣ. 25, 21). Онъ идетъ наслаждаться свѣтлаго торжества на вечерю вѣлію (Лук. 14, 17). Онъ усердно потрудился постясь въ виноградникѣ Владыки и воспринялъ нынѣ динарій (Матѣ. 20, 13). Онъ не боится и ада, ибо прощеніе прегрѣшеній отъ Живоноснаго Гроба возсія, и адъ плѣнень Сошедшимъ во адъ (Ис. 14, 9). Онъ вѣрно служилъ до гроба Жизнодавцу Христу, воставшему отъ мертвыхъ и ставшему „начаткомъ усопшимъ“ (1 Кор. 15, 20). И такъ, Жизнодавецъ Христось, пришедшій на землю взыскать и спасти погибающаго нашель средства спасти и тебя дорогой о. Палладій, пребывшаго вѣрнымъ Ему до гроба. Ты отъ нынѣ уже находишься подъ покровомъ Господа, всѣми нами любимый, неусыпный за всѣхъ молитвенникъ, вѣрный и неизмѣнный до гроба послушникъ. Въ дни тяжелыхъ испытаній ты не отпадалъ отъ меня и я дѣлился съ тобой своими сокровенными мыслями. Ты какъ искренній патріотъ радовался за своего духовнаго отца, что ему удалось малую лепту своего труда принести на ратномъ полѣ. Также и нынѣ узнавъ о предстоящей моей новой поѣздкѣ на полѣ брани, духомъ возрадовался и воодушевивъ меня своими памятными для меня словами: „великое и святое дѣло поѣхать на войну воодушевлять и ободрять воиновъ, намъ монахамъ смерти бояться не слѣдуетъ, ибо смерть на полѣ брани сопричислить къ сонму мучениковъ“. Иди-же съ миромъ ко Христу, ради Котораго ты оставилъ міръ съ его суетой, наслѣдуй уготованное тебѣ царствіе отъ сложенія міра. Списибо за неусыпную молитву, постоянный трудъ, и искреннюю преданность. Прости наши вольныя и невольныя огорченія, которыя быть можетъ наносили тебѣ. Прими отъ насъ послѣднее „прости“ и молись за насъ. Наши слабыя молитвы будутъ возноситься за тебя и къ твоей могилѣ не заростетъ наша тропа. Наша церковная молитва будетъ дышать и сила дыханія переходить на тебя почившаго, пребывающаго

въ лонѣ Церкви Христовой. Небожителѣ встрѣтятъ тебя, какъ близкаго и родного, благополучно совершившаго опасное путешествіе. Не забудь тамъ насъ грѣшныхъ, остающихся еще въ сей земной юдоли плача горя, скорбей, слезъ и невзгодъ. Въ сердцахъ нашихъ останется незабвенная о тебѣ добрая память, Аминь.

Игуменъ Серафимъ.

С л о в о,

произнесенное при погребеніи М. А. Поносовой, въ Свято-Николаевской церкви села Усоляя, 17 января 1916 года.

Блаженіи мертвіи, умирающіи о Господѣ.

Гдѣ смерть, гдѣ гробъ — тамъ слезы, плачь и рыданіе. И это вполне естественно. Какъ удержаться отъ слезъ родителямъ, при видѣ бездыханной вѣчно-любимой дочери и мужу при видѣ бездыханной вѣчно-любимой жены? Какъ не скорбѣть, какъ не печалиться ближнимъ роднымъ при уtratѣ дорогаго и любимаго человѣка? Но какъ не велики эти слезы, какъ не силенъ этотъ плачь вокругъ гроба усопшей, а чистая безсмертная душа ея не услышитъ этихъ слезъ: почившая молчитъ. И ни тяжкіе вздохи, ни грустные рѣчи не преебькутъ этого гробового молчанія и ничто не вернетъ ее къ жизни. И мы, дорогія братья и сестры, не можемъ не печалиться, видя, что этотъ цвѣтокъ, только что распустившійся для жизни, чтобы цвѣсти, уже поблекъ; свѣтлая молодость, благоухающая добрыми дѣлами, во гробѣ. Что же намъ, отдающимъ покойной послѣдній долгъ остается дѣлать, какъ не исгать утѣшенія только въ словахъ священнаго писанія: „блаженны мертвіи, умирающіе о Господѣ“, такъ какъ эти слова вполне приложимы къ покойной. Блаженна она — умершая о Господѣ, потому что приготовила душу свою къ смертному разлученію съ тѣломъ христіанской, богоговѣйной и богобоязненной жизнью, ожидая пришествія Христа, со свѣтильникомъ вѣры и елеемъ благихъ и добрыхъ дѣлъ. А добрыхъ дѣлъ